

Лучше поздно...

**Вашингтонский корреспондент «Труда»
беседует с В. Аксеновым и В. Войновичем**

ПРО СОСТОЯВШУЮСЯ наконец отмену указов о лишении советского гражданства писателей и других деятелей культуры, попавших в брежневско-сусловские годы в разряд диссидентов и чуть ли не измениников Родины, я узнал не из газет и не из теленовостей. От Майи Аксеновой — жены и надежнейшего товарища по изгнанию автора «Коллег», «Звездного билета», «Затворенной бочкотары», «Апельсинов из Марокко», которыми зачитывалось и которыми во многом формировалось мое поколение. Еще не было 8 утра, когда она позвонила и сообщила новость.

Прокричав в трубку поздравление ей и Василию, я сказал, что нужно немедленно встретиться, пусть он скажет для читателей «Труда», как относится к этому событию, как-никак он сам вспоминал, что единственная полученная им на Родине литературная премия — от нашей газеты. Аксенов получил ее за рассказ «Промежуточная остановка в Сайгоне» в начале 70-х годов — не самое лучшее для него время. Но Майя меня охладила, сказавши, что пока точно ничего не известно. Указ выдержан в общих словах, и то ли он относится к Василию, то ли нет. К этому добавила, что уже успела позвонить в Балтийск, где сейчас находится Владимир Войнович, и тот тоже пребывает в неопределенности. Войнович тоже лауреат «Труда» — за рассказ «Мастер», напечатанный в 1971 году. И это тоже его единственная литературная премия в СССР.

Неопределенность окончилась утром 16 августа: пришло тасковское разъяснение, хотя и неполное, но содержащее имена Аксенова и Войновича. Им обоим я задал одни и те же три вопроса:

— При каких обстоятельствах тебе стало известно о том, что у тебя отнято советское гражданство?

— Как ты воспринял нынешний Указ Президента?

— Как обстоят творческие дела в Москве?

Я не считаю возможным излагать сказанное двумя замечательными писателями, поэтому предоставляю слово им самим.

Владимир ВОЙНОВИЧ:

— Однажды мне позвонили с радиостанции «Свобода» — я уже жил в Мюнхене — и «обрадовали»: вы больше не гражданин СССР. Должен сказать, что меня много оскорбляли советские органы печати и по-разному, но большего оскорблений, чем это, я никогда не испытывал. Я ждал, что буду лишен гражданства, это не было для меня неожиданностью, но сам не ожидал, что так остро это восприму. Когда мне об этом сказали, почувствовал себя просто ужасно оскорблением. И тогда же написал письмо Брежневу. Оно вошло в одну книжку, которая у меня под рукой. Вот его содержание.

«Господин Брежnev! Вы мою деятельность оценили незаслуженно высоко. Я не подрывал престиж Советского государства — у Советского государства, благодаря усилиям его руководителей и вашему личному вкладу, никакого престижа нет. Поэтому по справедливости вам бы следовало лишить гражданства себя самого. Я вашего указа не признаю и считаю его не больше чем фальшивой грамотой. Юридически он противозаконен, а фактически я как был русским писателем и гражданином, так им и останусь до самой смерти и даже после нее. Будучи умеренным оптимистом, я не сомневаюсь, что в недолгом времени указы, лишающие нашу бедную Родину ее культурного достояния, будут отменены. Мое оптимизма, однако, недостаточно для веры в столь же скорую лик-

видацию бумажного дефицита. И моим читателям придется сдавать в макулатуру по 20 килограммов ваших сочинений, чтобы получить талон на одну книгу о солдате Чонкине. Владимир Войнович. 17 июня, 1981 года. Мюнхен».

Как видишь, сначала я оказался прав — насчет брежневских книг, а теперь и насчет указов тоже. Нынешний Указ я воспринимаю как запоздалый, но все же шаг к восстановлению справедливости, поэтому я его одобряю. А что касается его конкретных последствий, то тут не все ясно. Многие меня уже спрашивают, собираюсь ли я вернуться и когда, но на этот вопрос ничего ответить пока не могу. Я вернулся, если будут созданы реальные условия для возвращения.

С московскими публикациями дело обстоит так: в журнале «Юность» уже печатается вторая часть «Чонкина». В издательстве «Вся Москва» вышел сборник «Хочу быть честным» — сначала тиражом 50 тысяч, но второе издание будет 500 тысяч. Там же выходит роман «Москва-2042». «Чонкина» выпустит издательство «Книжная палата» — обе части в одном томе. Вышел фильм «Шапка» по моей повести, на премьеру я ездил в Москву. Есть множество постановок по той же «Шапке» и по «Чонкину». А о теперешнем моем занятии тебе известно: пишу третью книгу «Чонкина», названия у нее пока нет...

Василий АКСЕНОВ:

— В январе 1981 года мы с Майей перебирались из Мичигана в Калифорнию на нашей первой американской машине. Меня тогда пригласили в университет Лос-Анджелеса. В тот день мы выехали утром из города Юма и въехали в калифорнийскую пустыню. А там шоссе идет совершенно прямо, и я, незаметно разогнавшись, развел очень большую скорость. Меня остановил патрульный полицейский. И я подумал: ну сейчас начнется. У меня же были советские права... Но ничего особенного не началось, он меня просто оштрафовал. Помню, я ему зачем-то сорвал, что у нас в Советском Союзе скорость не ограничена, на что он обиженно возразил: «Но вы же сейчас не в Советском Союзе, сэр, а в Калифорнии». И я тогда подумал: гадости обычно приходят парами, значит, жди, что к концу дня еще что-нибудь случится. И как только мы вошли в тот дом в Лос-Анджелесе, где нас ждали, его хозяин профессор Дин Уорт сказал: «А ты знаешь, тебя лишили советского гражданства. Сегодня весь день звонили журналисты и искали тебя».

Тут как раз позвонил мой старый друг Грэг Уитни из «Нью-Йорк таймс», который сообщил, что указ, как оказалось, был подписан еще в ноябре. Тоже какая-то странная уловка. Он говорит: «Что ты можешь сказать?» А я отвечаю: «Да пошли бы они все к черту!» Он почему-то захотел, а на другой день в «Нью-Йорк таймс» меня так и процитировали.

Когда окончился шум в доме, гости разошлись — была вечеринка по поводу нашего приезда, — я вышел один и пошел по улицам. И меня вдруг охватила страшная горечь. Я думал: да какое они имеют право лишать меня Родины, моего прошлого, возможности пойти к могилам дорогих людей, общения с родными и друзьями?! Что это за напасть, что за нечестивость охватила и парализовала нас всех!

В течение нескольких лет во всех въездных анкетах в разных странах в графе «национальность» я указывал «без подданства». Я не спешил получать американское гражданство, и не потому, что ждал торжества справедливости (этого уже не ждал), а просто по собственности

му головотяству. И американским гражданином я стал только в прошлом году. Вот так оно ишло до начала гласности. Гласность углублялась, а для меня она иной раз и углублялась, потому что не далее как в 1988 году неожиданно для себя, в разгар гласности я стал мишенью абсолютно сталинского стиля кампании, развязанной против меня в журнале «Крокодил». В течение семи месяцев меня обливали немыслимой грязью в так называемых письмах трудящихся.

Потом меня и других стали печатать в Москве. И мы, «беспечные бродяги», иммигранты, собираясь, гадали: что же происходит? Нас публикуют, а мы остаемся как бы даже большими врагами государства, чем любые уголовники, потому что лишение Родины — это ведь считается мерой наказания выше расстрела. Прощения мы просить не собирались, это не мы, это нас обидели и оскорбили, а получалось, что от нас вроде бы ожидался что-то в этом духе. Это тянулось до вчерашнего счастливого дня.

Должен тебе сказать, я эту новость воспринял очень хорошо, хотя и без какого-то особого возбуждения, поскольку все же что-то подобное носилось в воздухе. Она меня в значительной степени обнадежила. В прошлом году я впервые после девяти с половиной лет приехал в Советский Союз. Мне очень хотелось поехать, но я решил, что не буду просить даже визы у государства, которое меня до сих пор формально считает врачом. Поехал по приглашению американского посла Джека Мэтлока. Теперь эти препятствия отпали, и я буду проводить в Советском Союзе как можно больше времени, чтобы быть поближе к читателям и, так сказать, к персонажам. В общем, это решение открывает для меня многие возможности и одновременно создает определенные трудности.

Нет так просто взять и сразу оборвать все нити, которые меня сейчас связывают с этой страной, тем более что ни США, ни СССР не признают двойного гражданства. Как-никак я живу здесь уже 10 лет, преподаю в университете, связан многими обязательствами, в том числе и финансовыми. Эта страна не стала мне родиной, но стала страной моего дома. Однако возраст у меня уже солидный, дело идет к уходу на покой, и я вполне реалистически могу представить себя в какой-то части России в качестве стающего писателя, мирно сидящего на крыльце с американской трубкой в зубах.

Что касается московских изданий, то хочу признаться, что еще два года назад я не мог бы себе представить, что практически все мои книги будут издаваться на Родине. В течение осени выйдут в Москве по крайней мере четыре мои книги. «Ожог», который был, я бы сказал, жемчугом целого поколения советских литературных бюрократов, вдруг выходит с небольшими купюрками, касающимися отнюдь не политики, а всего лишь эротики. «Остров Крым» уже опубликован в «Юности» и выйдет отдельной книгой. Будут выпущены сборники моих рассказов, есть предложение о производстве фильмов и так далее. У Олега Табакова идет «Затворенная бочкотара». Всего этого я себе не мог представить даже в легких эфирных снах. Ну и последнее — о текущей работе. Пишу роман-трилогию под условным названием «Московская сага». А вообще скажу тебе, я прекрасно понимаю, что мой читатель в России, а не в Америке.

В. СИСНЕВ.
(Соб. корр. «Труда»).
ВАШИНГТОН.